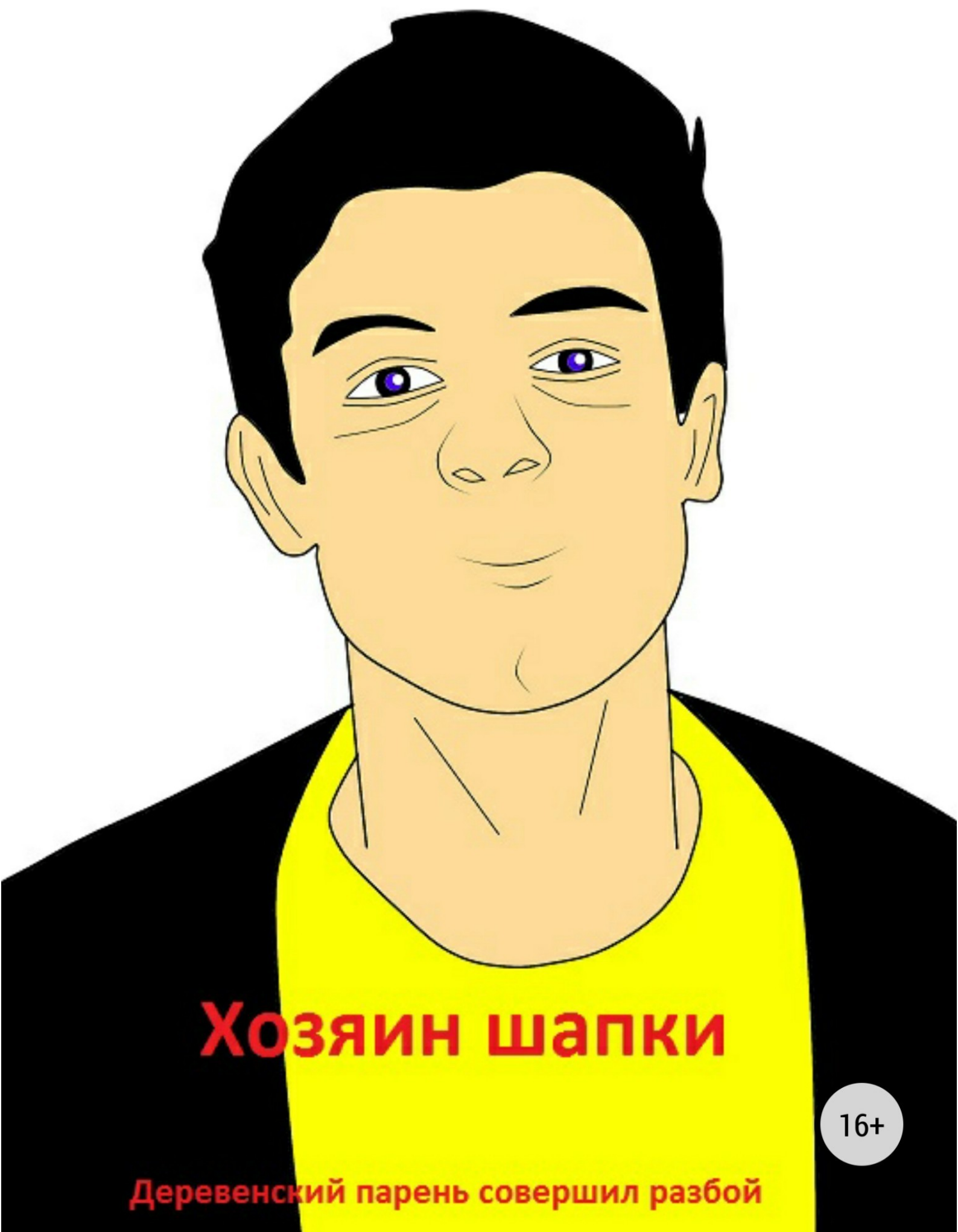

Данил Казаков

Хозяин шапки

Деревенский парень совершил разбой

16+

Данил Казаков

Хозяин шапки

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Казаков Д. В.

Хозяин шапки / Д. В. Казаков — «ЛитРес: Самиздат», 2009

Герой рассказа после развала колхоза не уехал из опустевшей деревни, а остался жить на пенсию матери. Однажды, когда Сёмки не было дома, мошенник обманул его мать - продал ей медицинский приборчик за большие деньги. "А не смогу ли и я так денежек заработать?" - подумал Сёмка. И вот что из этого вышло...

Содержание

Утро Сёмки	5
Работа Сёмки	7
Соседка	8
Думы матери	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Утро Сёмки

Стояла осень. Наступила та золотая пора года, когда природа, перед тем как замереть, ярко вспыхивает. Покраснели листья у осинок, пожелтели листья у березок, зелень черемух и ивняков тоже щедро разбавились желтовато-красным оттенком. Воздух приятно освежал лицо и руки, голубое лето радовало глаз, не жаркое, но яркое солнце сквозь ветви молодой березки прорывались в крайнее окно небольшой избушки. Избу окружали заросли крапивы, все еще по-летнему зеленой. Позади избы раскинулся обширный огород, по грядкам которого раскидана посеревшая ботва картофеля, да на одной грядке в два ряда торчат кочерыжки от капусты. Дальше тянулась торная дорога в поселок Бор, откуда до деревни Бисера было три км. В деревне осталось четыре жилых дома, в остальные пять или шесть приезжают только летом высаживать картошку. Еще три дома стоят заброшенными, часть годной древесины с них постепенно растащили на топку, остатки бывшего жилья буйно заполнила крапива, да густые заросли черемухи. Бывшие огороды, поросшие дерном, где просматривались длинными и ровными бороздами. Остальные места обитания, покинутые еще раньше, опытный глаз, да и то летом, мог обнаружить по буйной растительности на бывших унавоженных огородах. На столбе, стоящем по среди деревни, раньше висел железный лемех, удары о которого созывали деревенских на работу. Но лемех утащил Сёмка Жорин и сдал его на металлолом. Он жил в доме с березкой и по утрам не спешил вставать. Пяток кур рылись в мусоре перед окном, серая кошка уселась на столбике забора. Мать его Меланья, высокая худощавая старуха, на веревках тащила через дорогу скошенную траву на корм скоту. А Семке не хотелось вылезать из теплого лоскутного одеяла. Он с тоской глядел в беленый лет десять назад, серый потолок, всматривался в яркие картинки, наклеенные на стене. Там крутые парни на дорогих машинах радостно смеялись, демонстрируя свои крепкие молодые зубы. Широкая лавка тянулась вдоль стены, у окна стоял стол с зеленой, протертой по углам клеенкой. На старом комодке, с оторванными кое где ручками, громоздился старый телевизор. У дверей примостился серый табурет. На вешалке висело пара фуфаяк, потертая курточка защитного цвета, фуражка и новая кроличья шапка. Брюки от курточки висели на середине кровати. Унылый вид комнаты тоже не вызвал оживление темных узких глазах парня, не тронул улыбкой его тонкие длинные губы. С худощавого лица не сходила гримаса отвращения к этой комнате, к дому, к деревне.

Вставать Семке не хотелось. Солнце хоть и светило весело, но день не обещал радостных событий. Картошка выкопана, сколько была бы на продажу – сдали. А мяса на продажу еще подойдет не скоро. Да и будет ли что сдавать? Одна телка, мать опять продаст килограмм двадцать, а остальное оставит себе. Ни грибов не ягод в лесу не осталось, их тоже можно было продать. Ни праздников нет в ближайшее время, ни каких либо праздников, неоткуда ждать выпивку.

Отец Сёмки, тихий алкоголик, лет пять назад выпил какой то жидкости и умер. У Сёмки в посёлке нет родни, как у Ольги-соседки или у деда Егора. Брат и сестра у Сёмки живут в областном центре, но они редко пишут и ещё реже приезжают. А с хорошей роднёй чего не жить! Они и с огородом помогут управиться, и деньгами дадут, и на работу помогут устроиться. На работу в посёлок Сёмка и сам мог бы устроиться, а жить где? Если дома жить, то ездить в посёлок на чём? Здесь не город, автобусов нет. А потопай кА за три километра. То и ни какой работы не захочешь, ни за какие денежки. А Сёмка работать не прочь, он не пьяница. Отец одеколонеры разные пил, а Сёмка одеколон не пьёт. Стоит у него бутылочка «Спортивного» – не трогает. А мог бы выпить, ни кто ему не мешает. Отец и новую фуфайку тогда пропил, а Сёмка вещи бережёт, не пропивает. Есть у него новые часы, квадратные, пользуется ими, на время смотрит. А мог бы и пропить, часы удобнее пропить, чем фуфайку – они легче и их возьмут

быстрее. На краю посёлка живёт Ленка – самогонщица. За такие часы месяц поить будет, а то и всю зиму, но Сёмка не пьяница, он не пропивает, а наоборот, покупает себе одежду. Курточку хорошую себе купил и брюки. Голодные поселковские сменяли свои вещи на картошку. Сёмка рассмеялся, представив голодных поселковских жителей, и закурил вторую папиросу «Примы» сигареты он покупает только ленинградские, они лучше. Оставшийся окурочок бросил в жестянку с водой, пролилась грязная вода на газету. На столик мать поставила на просушку трёхлитровые банки, намечая засолить в них капусту. Наплевать бы на банки, да капуста – закуска хорошая. Сёмка осторожно взял жестянку и понёс её к другой стенке, к другому окну. Там в полу имелась узкая щель, куда Сёмка справлял малую нужду и валил мелкий мусор. Вытряхнул их жестянки окурки, поставил её обратно на стол.

На мосту у матери на длинной, толстой, натянутой вдоль проволоке, висело разное тряпье: рубахи, штаны, платья, всё старое и постиранное. Иногда парень задерживал свой взгляд на этой куче. Его привлекала лёгкая возможность взять что либо, вряд ли мать скоро хватится, и обменять на водку. Про себя Сёмка ни когда не скажет: пропить. Нет, просто выгодно обменять: дать не нужное, а взамен получить спиртное. Водка, это такая жидкость, которую хочется пить, пить и пить. Водка повышает настроение, даёт силу, смелость, радость в жизни. Сёмка, в отличие от своих деревенских, любил пофилософствовать. Горбаться всю жизнь, говорил он, а всё равно умрёшь. Не лучше ли просто наслаждаться жизнью: смотреть на небо, на солнце, слушать птичек, рыбачить, собирать грибы и ягоды, а не строить разных там высотных теремов, не заводить дорогих машин, просто жить без зависти, волнений и шума. Такая философия вполне оправдывала Сёмкину лень, и он развивал её у рыбачьих костров. Из ближнего леспромхоза Суслов свалил две-три машины горбыля на берегу реки на костры. Туда приходил Сёмка с пилкой, распиливал длинный горбыль, приносил из дома соль, картошки, из ближних кустов наламывал для чая ветки смородины. Его услуги принимали, угощали ухой, чаем, наливали пиво и водку. Его разговоры слушали с интересом, снисходительно воспринимая его, как простого человека из народа, не далёкого по уму, по делам своим. По мимолётным усмешкам, не доверчивым взглядам, небрежным похлопываниям по плечу, Сёмка чувствовал, что им пренебрегают. Он не скидывал с плеча чужую руку, а снова повторял сказанное, словно хотел убедить других в своей искренности. В свои слова он и сам не верил, а хотелось ему, чтоб поверили другие, что он, Сёмка, вполне доволен своей жизнью, ни кому не завидует. У него есть какой то высший смысл, высшая идея, он идейно выше их и подобен самому Диогену, жившему в бочке. Такие разговоры привлекали парня не меньше, чем водка. Он ставил себя выше деревенских, практичность которых считала подобные разговоры детским лепетом незрелого ума.

Послышался выстрел, Сёмка вздрогнул, пристальней всмотрелся в даль. Над озером летали утки, рассеивался дымок. К соседке Ольге приехал её брат, живущий в посёлке, и вместе с племянником Серёжкой пошёл на охоту. Это не рыбаки: с пилкой к ним не подойдёшь, картошки не предложишь, а утятина вкуснее рыбы. А раз сближение не доступно, но Сёмка поспешил осудить их действия. Где их, подранков найдёшь, на в густых камышах? Десяток уток поранишь, а лишь одну себе возьмёшь, остальные зря пропадут. Сёмка предпочёл забыть о злом, чёрном Полкане, живущем у Ольги. Полкан, хорошая собака, найдёт и утку, и зайца, и другого мелкого зверя. Сёмке бы такого Полкана и ружьё бы ещё – он бы настрелял тогда больше Серёжки и его хромого дядьки. Он же молодой, сильный, здоровый.

Работа Сёмки

Чтобы он сделал лучше, будь у него такие же возможности, как у других, и что другие делают плохо, в чём их промахи и ошибки, Сёмка не успел додумать – Меланья позвала завтракать.

– Иди, ешь, – позвала она, наскоро открыв двери. Сёмка не спеша докурил сигарету, бросил окурки в жестянку, пошёл на кухню. То, что мать не умеет готовить, он знал давно. На столе снова сковорода с надоевшей картошкой, крупно нарезанный хлеб, солёные огурцы и банка с молоком.

– Кто же молоко с солёным ест? – усмехнулся он, – тогда до ветру не набегаешься!

– Не хочешь – не ешь, – отозвалась Меланья, доставая большой чугунок из печи. Ухват плыл по воздуху, доставал до стола, угрожая столкнуть банку.

– Э-э-эй! – забеспокоился Сёмка, – ничего не видишь, сейчас всё опрокинешь!

Меланья поставила чёрный ухват в угол, взяла старое, почерневшее полотенце, обхватила им за бока чугуна и слила воду в ведро. Из ведра пошёл пар, из чугуна пар, сама Меланья тяжело дыша, медленно разгибалась.

– Сказала бы, я бы сам слил воду, – посочувствовал Сёмка.

– Сама я справлюсь, и воду сама занесу, тебя ждёт работа тяжелее.

– Какая? – насторожился он. Работа работе – рознь. Есть не благодарная и тяжёлая, отдача от которой очень не заметна. Это все работы по хозяйству, по огороду, урожаем с которого уже собран и продан. Есть работа калымная – возка сена или колка дров у соседей – там без бутылочки не обойтись. Но у Ольги Серёжка подрастает, а к деду Егору поселковские ходят, остаётся лишь Фёкла со своей непутёвой дочкой. Та зовёт чаще, а расплачивается вонючим самогоном.

Меланья вывалила картошку в кадушку, стала толочь её. От её сотрясения подрагивали ведра на лавке, серый кот тёрся о ноги хозяйки, полосатый половичёк буровился на полу. На окне рос сухой и пыльный столетник. За окном, вдоль улицы молоденькая, худенькая девчушка толкала впереди себя коляску. Она сильно раскачивала её и что то напевала. У дома Егора стояла привязанная к ограде лошадь, на телеге валялся плуг. Сомнений у Сёмки больше не оставалось: мать хочет заставить его пахать огород. Осенью эта работа казалась парню не только не шабашная, не благодарная, но и не нужная, ибо эту работу можно отложить до весны. Сёмка ел картошку, хмурился. Мать потолкла картошку, подошла ближе. Зная об отношении сына к пахоте огорода, она тянула с ответом. Взяла кружку, налила воды, полила столетник, поправила половик на полу. Сёмка мельком взглядывал, как она неуклюже топчется на кухне, как вытирает руки о фартук. Смотрел на её серенькое, выцветшее платье, заметил углубившиеся морщины, поседевшие редкие волосы, собранные в узелок на затылке. Её худые руки с длинными пальцами, опёршимися о край стола, и жутко жалел себя: ну чем эта старая баба может помочь ему? Она даже не хочет отложить вспашку огорода до весны, когда будут новые силы, когда появится желание. А что желание появится, в это Сёмка верил свято. Ему всегда хотелось что то делать, но потом, не сейчас.

Соседка

– Смотри-ка, – сказала Меланья, – Соска свою куклу опять в коляске таскает, заморозит ребялёнку.

Соской деревенские жители звали дочку Фёклы Маринку. Та до не давнего времени всё сосала соску, пока не родилось у неё своё дитё. От кого родила, ни кто не знает, а в посёлке Бор с ней гуляли многие. Девочке уже три года, а она до сих пор не ходит, но в коляске Маринка её не катает. Меланья об этом знает, но разговоры о непутёвой Маринке всегда сближают её с сыном, поднимают обоим настроение. Приятно осознавать, что кто то живёт ещё хуже тебя, над кем можно посмеяться, ощущая своё превосходство. Сёмка глянул в окно: невзрачная фигурка Маринки приближалась к телеге, на которой вчера привезли плуг. Соска поставила коляску между оглоблей, сама уселась на грядку телеги, заболтала ногами, зажмурилась, глядя на солнце.

– Живёт человек, – задумчиво проговорил Сёмка, – хлеб и вода, крыша над головой и ничего ей больше не надо.

– Так-так, – живо согласилась Меланья. – Пособие на девку получает каждый месяц 80 рубликов, да ещё пенсия старухи, на хлеб только и хватает.

Сёмка нахмурился – о 80десяти рублях он не знал. Хотел было посмеяться над Маринкой, над её малыми потребностями, узостью интересов. Хотя иной раз он сам проповедовал малые потребности человека, но всё же предпочитал считать себя самостоятельным и рачительным хозяином. А теперь выходит, что даже некчемущняя Соска и та получает какое то пособие, живёт на свои деньги. У него же нет ни пособия, ни пенсии, ни зарплаты, словно он не работает. А разве мать без него одна справится? Вот, опять пахать надо. И не желанная минутой раньше работа, стала вполне приемлемой, оправдывающей его пребывание дома.

– Ладно, вспашу, – согласно махнул он рукой, – детские слёзы – 80 рублей – два ведра картошки.

– Так-так, – закивала головой Меланья, – лошадка добрая, смирная.

Весной пахать не когда, весной другие работы поджимают, нынче и пашут и сеют осенью.

Она стояла у стола и всё говорила, говорила, радуясь, что сын согласился пахать и, боялась, что он передумает.

Сёмка аккуратно подчистил картошку, выпил молока, съел пару огурцов, выпил молока, видимо забыв о несовместимости продуктов, и вышел на мост покурить. Согласившись сейчас пахать, он стал выискивать положительные стороны предстоящей работы. Весной меньше работы – это хорошо, денёк сегодня замечательный – это тоже хорошо. Может мать ещё постарается и достанет бутылку, ведь надо же выпить с устатку. Уговорив себя, Сёмка поверх тёплой, полосатой тельняшки надел пиджак, натянул сапоги и вышел на улицу. Маринка по-прежнему сидела на телеге и качала в руках полено, завернутое в грязный, серый платок. Светлые, не мытые волосы свисали по плечам. Крупные веснушки густо облепили худенькое личико крошками хлеба у рта.

– Умывалась ли ты сегодня, Маринка? – Спросил, усмехаясь, Сёмка.

– Нее а, – замотала головой Маринка.

– А причёсывалась ли?

– Нее а.

– А успела ли покушать?

– Аха, – Маринка заулыбалась, и пошла следом за Сёмкой. Он никогда, в отличие от матери, не ругал её, всегда ласково разговаривал, и девчужку тянуло к парню. Маринка оттолкнула подальше коляску, спрыгнула с телеги и торопливо подавала Сёмке хомут, вожжи, помо-

гая запрягать лошадь. Забегая вперёд, она открыла ворота, прогоняя овец и куриц на улицу. Маринка пыталась даже хвататься за ручки плуга, но Сёмка грубо отстранил её.

– Не твоего ума дело, иди и качай своё полено.

– Это моя дочка, – спорила девчушка.

– Дочка у матери твоей сидит, у Фёклы, – сегодня соседка раздражала его. Сёмка всё время думал о тех 80 рублях, ни за что получаемых Соской.

– Это у меня вторая дочка, та Вичка, а это Машка, я теперь пособия больше буду получать.

Дочку у Маринки звали Викторией. Насмешливый Сёмка сам посоветовал ей дать такое имя. Мол, так звали жену самого Леонида Ильича, и девочкам с таким именем платят деньги. Теперь Маринка своё пособие считала заслугой Сёмки. Фёкла внучку звала просто Вичкой, так в деревне называют сухой прут. Интересно Сёмке поговорить с малоумной, да работать надо. Он становится за плуг, понукает лошадь. Пласт брал узенький, пахал не глубоко, так лошадь меньше устаёт и самому легче. До обеда вспахал пол-огорода. Смешно конечно, раньше до обеда два-три огорода засаживали, а теперь только вспахали. Сёмка же очень устал, отпустил лошадь пасти на меже, а сам прилёг рядом с Маринкой. Та держала полено уже верх ногами.

– Устал? – спросила заботливо.

– А то, – усмехнулся Сёмка, – пахать, это тебе не полено качать – тяжелее работка будет.

– Это Маша, – упрямо повторила девчушка.

– А может мальчик? Может сын у тебя?

– Нет, мальчики только у мальчиков бывают, а я девочка, вот.

– И мальчики и девочки только у девочек рождаются, – просвещал её Сёмка. – А скажи – ка, Маринка, с кем это ты, понимаешь, валялась, спала вместе?

Маринка нахмурила лобик, задумалась. И спала, и валялась не вполне подходило к тому делу, которое с ней совершали. В то время к ней особенно хорошо относились: жалели её, сладко кормили, защищали и очень старались ей понравиться.

– А любила кого? – широко улыбнулась она, – так всех я люблю и, все меня любят, кроме мамки. Мамка Фёкла всё Маринку ругает, никуда Маринку гулять не отпускает.

Меланья управлялась по хозяйству: сбивала сметану, теребила шерсть, варила суп, заносила воду. Каждый раз, выбегая на мост, она прислонялась лбом к стеклу, смотрела, как пашет её Сёмка. Радовалось сердце матери. Конечно, сейчас не то, что раньше, когда лошадь с натугой тянула плуг, всё прогибаясь вперёд, когда пахарь тоже тяжело ступал, покрикивал на лошадь. А рядом суетились бабы, кто навоз подкладывал, кто картошку втыкал. Сейчас лошадь шагает легко, пласт плугом Сёмка отрезает тоненький, сам только направляет плуг, не заботясь вдавить его глубже. Вместо баб сидит одна малоумная Соска, и Сёмка радушно разговаривает с ней. Но, всё же пашет, тёмные пласты земли ровным слоем нежата на солнце. Меланья сварила суп вкуснее, не пожалела положить солёного мяса. Приготовила салат из огурцов и помидор, сварила яйца. Стукнула на мосту по стеклу, позвала сына обедать. Тот махнул рукой Маринке, приглашая её тоже. Та рада-радёшенька, вперёд парня домой заскочила. Сёмка пока под умывальником руки мыл, она уже за столом сидит, на его табуретке. Меланья опешила.

– Я тебя разве звала?

– Он позвал, мы пахали, так устала я.

– Мы пахали? – захохотал Сёмка, – что то я тебя, девка, за плугом не видел. Ну, сиди, сиди, авось не пообедем.

Маринка и не думала уходить, она достала своё полено, намериваясь накормить и свою «дочку» пришлось Сёмке принести стул из своей комнаты, сесть рядом с гостьей.

Меланья брала досада: Соска хоть и немного съест, но не приятно видеть её в своём доме за столом, словно она родня, какая, будто будущая невестка. Голодная девчушка вылавливала из тарелки куски мяса, подносила ложку к своей «дочке», а потом отправляла содер-

жимое в свой рот. Выловив мясо, она принялась за салат, перемазав сметаной и себя, и полено. Насытившись, Маринка взяла одно яйцо, спрятала его в карман.

– Зачем берёшь? Здесь ешь, – попросила Меланья, сейчас девчужка забавляла её. Она с сыном не ела, а лишь, усмехаясь, смотрела на гостью, для которой их еда казалась роскошью. Остатки из тарелки, из которой ела малоумная, Меланья вылила в помои, а себе и Сёмке налила новую порцию.

– Мамке отнесу, – ответила Маринка, – куриц у нас нет, куриц мы съели. – Она потянулась было снова к тарелке с мясом, но Меланья бесцеремонно вывела её из-за стола.

– Иди, иди, тебя мамка Фёкла ждёт.

Маринка состроила плаксивую гримасу, и всё вытягивала шею, оборачиваясь на еду. Пришлось Меланья взять её за плечи, вывести самой до калитки. Сёмка посмеивался. Придвинув тарелку к себе, он аккуратно ел, поглядывал в окно. Там Соска уселась на чурбан и очищала себе яичко, соря скорлупой вокруг себя.

– Ох, и неряха, – сердилась Меланья.

– Курицы склюют, – успокоил её Сёмка, а она умнее нас с тобой.

– Как это? – не поняла Меланья. Она явно ожидала услышать в ответ порочащий Маринку. Умная, но такой ум нам и даром не нужен.

– Деньги научилась даром получать, я вот не умею, а она может. На одного ребёнка 80 рублей, а на двух выходит и все 160 будет.

Сёмка криво усмехнулся, задумался, то ли дразнил мать, то ли, правда прикидывал на себя: как бы и ему тоже иметь такую возможность пользоваться такими деньгами. Меланья Соске завидовала и удивлялась столь не обычному её заработку: ведь раньше на детей совсем не платили, но видеть у себя дома калек ей не хотелось не за какие деньги.

– И не надо, – махнула она рукой, пристально всматриваясь в лицо сына, – и денег таких не надо, и инвалидов не надо!

– Конечно, нет, – заметив её замешательство, Сёмка довольно рассмеялся. Он был доволен собой: тем, что не согласен жить за счёт инвалидов, что сумел напугать мать, и что пашет сегодня и мать должна быть им очень довольна. Он доел суп, попробовал салат, очистил пару яиц и пошёл в огород.

Думы матери

Меланья, оставшись одна, вновь задумалась, как бы ей быстрее женить сына. Она устала за ним смотреть, на него стирать, готовить, каждый день опасаться, как бы он куда то не ушёл, не напился. Пусть бы за ним смотрела другая баба, моложе и посильнее. Вот бы Ольгу в невестки. Когда то давно не хотела её Меланья, худой казалась, маленькой, а потом и Серёжка у неё родился. С тех пор много воды утекло. Ольга и без мужа не унывает, брат из посёлка ей помогает, и Серёжка растёт помощником, а Сёмка работу не нашёл, путёвой девки тоже нет. Вот бы Ольгу в невестки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.